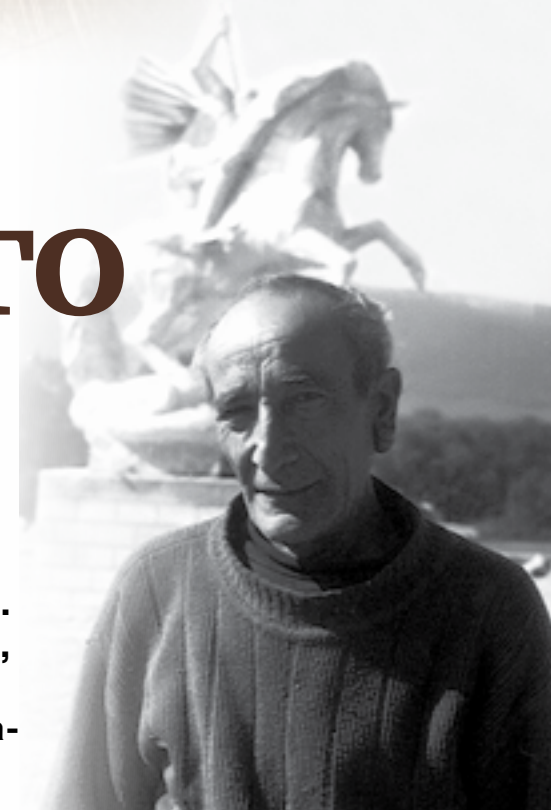

Певец осетинского эпоса

31 декабря уходящего года исполнится 70 лет со дня рождения Ефима Михайловича Бутаева. К сожалению, юбиляра уже нет среди нас. Все, кто знал Ефима (жителям Северной Осетии он был известен именно как Ефим), ценили его талант художника и скульптора.

Ефим Михайлович жил в городе Алагире. Трудное полуголодное послевоенное детство, проведенное в доме тетки, после смерти отца взявшей мальчика на воспитание, учеба в школе оставили у него много противоречивых воспоминаний. О своей тете Ефим Михайлович вспоминал с трогательной благодарностью.

Уже в детстве проявилась одна из основных черт характера будущего скульптора – способность очень остро воспринимать жизнь, с ее радостями и

горестями. Как-то он рассказал мне о ярком впечатлении детства: под Новый год, придя из школы, Ефим увидел на столе свежее испеченные пироги. Весь дом пропах ароматом сдобного теста, а тетя хлопотала на кухне. Вид и запах редкого в те времена лакомства вызвал у мальчика такой восторг, который требовал срочного выплеска.

Ефим выскочил из дома, помчался по обледенелой дороге, а увидев медленно едущий лесовоз, груженный длинными бревнами, погнался за ним. Догнав машину, мальчишка ухватился руками за свисавшее из кузова бревно. В этот момент лесовоз покачнулся на неровной дороге, бревно спружинило и подбросило Ефима. Мерзлая дорога встретила худое тельце очень жестоко. Мальчик, с трудом поднявшись и утирая разбитый нос, медленно побрел к дому.

В Ростовском художественном училище имени Грекова Ефим Бутаев учился по классу скульптуры. Об учителях и годах учебы он сохранил светлые воспоминания на многие годы. Неизгладимое впечатление на молодого человека произвело творчество теперь широко известного ростовского скульптора Сергея Королькова (в современных публикациях его нередко именуют «донским Роденом»). Горельефы «Гибель Ванден» и «Железный поток», установленные на драматическом театре имени М. Горького, навсегда остались для Ефима великим образцом реалистической скульптуры.

В студенческие годы самобытный талант осетинского юноши получил профессиональную огранку. Когда, много лет спустя, мы с Ефимом Михайловичем пришли в старое здание училища в переулке Университетском, маститые ростовские скульпторы встретили своего старого знакомого очень радушно. Один из них сказал мне: «Знаешь, кого ты к нам привел? Этот человек всем нам дипломы помогал делать. Когда работа доходила до портретного сходства, мы все Ефима звали».

Действительно, и рисовал и лепил Ефим Бутаев удивительно легко, на мой непрофессиональный взгляд – виртуозно. Кроме того, он, несомненно, был мастером композиции. В самых серьезных сюжетах на рисунках Ефима неожиданно появлялись юмористические мотивы. При этом живость и анатомическая верность фигур и ракурсов придавали композициям особую жизненную убедительность.

В те годы, когда судьба свела нас, Ефим находился под властью персонажей осетинского нартского эпоса. На графических листах оживали могучие герои сказаний: Урузмаг, Шатана, Батраз, Сослан. На мой взгляд, особенно удавался мастеру образ хитрого и пронырливого Ширдона. Из рисунка в рисунок переходили портретные лики эпических героев, иногда имевшие удивительное сходство с нашими соседями по улице, и потому особенно узнаваемые и достоверные.

Искусство Ефима Михайловича всегда было глубоко национально. Но

без налета нарочитого примитивизма и декоративности, широко тиражируемого многими кавказскими художниками. Все герои рисунков твердо стояли на родной земле, причем в каждой позе ощущалась строгая анатомичность, соответствие выполняемому действию, динамика.

Как-то Ефим Михайлович повел меня осмотреть настенную роспись в школе селения Бирагзанг, где он работал... кочегаром угольной котельной. Со стен школьного холла смотрели классики русской литературы: Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой и, конечно, Коста Хетагуров. В центральной части композиции располагалась динамичная фигура Мцыри, сцепившегося в смертельной схватке с барсом.

Оценив удачную роспись, я позволил себе сделать замечание по поводу зубов зверя. Все зубы, открывшиеся в страшном оскале, были похожи на одинаковые зубья пилы. Обратив внимание художника на это несоответствие, я пояснил, что должны читаться резцы, клыки, предкоренные и коренные зубы.

Ефим Михайлович внимательно выслушал замечание и после этого неоднократно приходил рассматривать коллекцию черепов диких зверей, собранную мной в заповеднике. Скоро он уверенно рисовал черепа и зубы всех обитающих в Осетии зверей. Очень внимательно он изучал фотографии зверей и птиц, а при случае, когда в заповедник доставляли попавших в беду живых животных, старался рисовать их с натуры.

Интерес к живой природе, как и у большинства осетин, был у Ефима Бутаева очень развит. Он с увлечением ходил со мной в лес на поиски павших зубров, а спустя много лет, приехал по моему приглашению в Ростовский-на-Дону зоопарк, где увлеченно рисовал и лепил зверей.

Особенно любимой темой были для него лошади. В молодости Ефиму пришлось жить и работать в конном заводе имени С.М. Кирова в Ростовской области. И сегодня все, кто проезжает по трассе Ростов – Сальск, могут видеть у поселка Целина на повороте к конному заводу скульптуру знаменитого коня по имени Пепел, на котором Галина Петушкова выиграла олимпийские игры по выездке.

К лошадям мы ездили с Ефимом на моем «Зпорожце» в Бесланский конный завод. В мои обязанности входило изготовление фотографий для дальнейшего

использования, как материала к рисункам. Позже на основе этих фотографий на графических листах появлялись мчащиеся в стремительном галопе кони с сидящими на них полубоженными амазонками, на скаку стреляющими из лука.

Как-то в Северной Осетии готовились к проведению Первой международной конференции по горной экологии. Фойе перед залом, где должно было проходить пленарное заседание, решили украсить работами осетинских художников. Находясь под впечатлением

работ Ефима, я предложил министру экологии В.С. Вагину сделать выставку рисунков Бутаева на мотивы нартского эпоса. Посмотрев рисунки, министр дал добро. Выбрали стену, на которой расположили экспозицию. На другой стене фойе развешивались живописные работы заслуженного художника республики Арчегова.

Выйдя ненадолго из оформляемого помещения и вернувшись через какое-то время, я застал интересную картину: у развешенных работ Арчегова стояли два зрителя: Ефим Бутаев и сам автор. Рядом с крупным и фактурным Арчевым худощавый Ефим выглядел особенно контрастно. Рассматривая пейзажи, Ефим говорил собеседнику: «Слушай, мужик, а что тут нарисовано? Я что-то ни черта не пойму». Смерив ироничным взглядом сверху вниз Ефима, неожиданно для меня художник ответил: «А черт его знает! Я и сам не пойму». Мне стоило усилий не рассмеяться, видя комичность ситуации.

Вечером, после удачной выставки, где участники конференции с интересом разглядывали работы обоих художников, мы сидели за традиционным осетинским столом. На месте старшего картинно восседал Арчев. Ефим понял курьезность недавнего разговора, узнав в вальяжном «хищтере» (по-осетински «старшем») автора критикуемых им пейзажей и был явно смущен. К чести Арчегова, он умело, с тонким юмором разрядил ситуацию.

Случилось так, что Ефим Бутаев при жизни не стал признанным художником и скульптором. Он не мог по своей натуре вписываться в официальные рамки, зарабатывать деньги, держаться так, чтобы окружающие могли оценить величие его персоны. А, как и в любом творческом сообществе, в среде художников всегда есть место конкуренции. Для того чтобы получить заказ, нужно иногда работать локтями, чего Ефим совершенно не мог и не терпел.

Он живо отзывался на любые нужды односельчан, работников школ, друзей. Как-то, по моей просьбе, он помогал ремонтировать кабинет для фотокружка в одной из алагирских школ. После штукатурки и окраски стен Ефим взял в руки кисть и удивительно легко нарисовал пековым лаком узнаваемый осетинский пейзаж, детей и задумчиво сидящего на выступе скалы Коста Хетагурова. Многочислен-

ные росписи на стенах залов и сегодня украшают школы и частные дома.

Очень живо интересовался Ефим керамикой. Он с увлечением делал гончарные круги, мялки для глины, учил школьников гончарному делу. Впервые глядя, как под его умелыми руками ком глины как бы сам вырастал в изящный сосуд, я был поражен. Проснулось желание самому научиться этому волшебству. Ефим оказался терпеливым и доброжелательным учителем.

Скоро в моей таксидермической мастерской появились гончарный круг (конечно же, изготовленный Ефимом) и муфельная печь для обжига. Трудно перечислить все, что умел делать Ефим Бутаев. Он был убежден, что слово «ум» произошло от слова «уметь». «Если руки умеют, то и голова умная» – было одной из его любимых поговорок. Наблюдая учебный процесс в бирагзангской школе, Ефим утверждал, что профилирующим предметом должно быть рисование. Он считал, что именно рисование лучше всего позволяет понять и осмыслить окружающий мир.

По инициативе Ефима в школьном подвале была организована гончарная мастерская. Ряд электрических гончарных кругов, изготовленных на алагирском заводе сопротивления, большая печь для обжига, электрическая мялка для глины, стол для разминания глиняных «валушков» и полки с готовыми кувшинами и горшками привлекали в этот подвал многих.

Вокруг Ефима всегда были ученики. Сейчас некоторые из них стали хорошими мастерами-керамистами, а один успешно окончил Академию художеств (институт имени И.Е. Репина) в Петербурге. Уверен, что тесное общение с мастером ни для кого из ребят не прошло

бесследно. Удивительно уважительный, не амбициозный и бесконечно трудолюбивый, Ефим Бутаев умел заражать жаждой творческой работы.

Как и все творческие личности, Ефим Бутаев был временами очень «неудобен» для окружающих. Трудно было ввести его в русло общепринятой размеренной и заранее распланированной жизни. Новая идея могла так захватить его, что все ранее взятые обязательства уходили на второй план. Как-то я договорился с главным редактором цветного журнала, издававшегося во Владикавказе, поместить в очередной номер серию рисунков Ефима. Редакционный совет рисунки одобрил, но рекомендовал их доработать.

Ефим с энтузиазмом воспринял возможность публикации своих работ. Договорились, что через неделю я заберу доработанные рисунки и отвезу в редакцию. В условленный день я встретился с художником в его мастерской-кочегарке. На вопрос, где рисунки, последовал неожиданный ответ: «Я плотно работал всю неделю. Но ведь наши лопаты никуда не годятся!»

В замешательстве от такого поворота дел, я не сразу понял, о чем речь. Оказывается, кочегар Ефим всю неделю «плотно работал» над усовершенствованием конструкции совковой лопаты, которой многие часы ежедневно бросал уголь в топку. В те дни такая работа казалась ему намного важнее каких-то рисунков. В итоге журнал иллюстрировали рисунки другого художника.

Об удивительной личности Ефима Михайловича можно говорить и писать бесконечно. Но лучше любых слов о нем могут рассказать выразительные рисунки. Мечтой мастера было увидеть книгу осетинского нартского эпоса со своими иллюстрациями. К сожалению, этой

мечте не суждено было осуществиться, как и другой – написать иллюстрированное руководство по гончарному делу.

Думается, что многие замечательные рисунки Ефима Бутаева вполне заслуживают того, чтобы их видели и знали. Яркие образы легендарных нартов, сцены из жизни природы горной Осетии вполне могут украсить не одно издание. Это стало бы хорошим памятником талантливому художнику и значительным вкладом в развитие национальной культуры Осетии.

ДАВИД АЛЕКСАНДРОВ

